

Один из самых блестящих, остроумных авторов нашего времени.

The Scotsman

КЕЙТ
АТКИНСОН

ХРАМЫ ВЕСЕЛЬЯ

ВПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ!

18+

Идеальный роман
для наших
неспокойных
времен, когда
востребовано
утешение
этой особенной
чисто английской
и ностальгической
разновидности.

The Times

По литературному
мастерству,
по яркости
и глубине
психологических
описаний
Кейт Аткинсон
сегодня
нет равных.

*Evening
Standard*

Большой роман (Аттикус)

Кейт Аткинсон

Храмы веселья

«Азбука»

2022

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Аткинсон К.

Храмы веселья / К. Аткинсон — «Азбука», 2022 — (Большой роман (Аттикус))

ISBN 978-5-389-33763-3

В высшую лигу современной литературы Кейт Аткинсон попала с первой же попытки: ее дебютный роман «Музей моих тайн» получил престижную Уитбредовскую премию, обойдя «Прощальный вздох мавра» Салмана Рушди, а цикл романов о частном детективе Джексоне Броуди, успевший полюбиться и российскому читателю («Преступления прошлого», «Поворот к лучшему», «Ждать ли добрых вестей?», «Чуть свет, с собакою вдвоем», «Большое небо»), Стивен Кинг окрестил «главным детективным проектом десятилетия». «„Храмы веселья“ – британский ответ „Великому Гэтсби“, – писали критики, – пропитый литературными аллюзиями на кучу шедевров, от Шекспира до Т. С. Элиота». Итак, на дворе 1926 год. Страна еще толком не оправилась от мясорубки Великой войны, а в Лондоне правит бал «эпоха джаза». В ночных клубах Сохо пэры Англии трутся плечами с гангстерами, а высокопоставленные иностранные гости танцуют со старлетками, по шиллингу за танец. Самыми модными клубами – «Аметист», «Фея», «Лисья нора», «Сфинкс» и «Хрустальная чаша» – правит Нелли Кокер с ее непутевыми детьми. Но где успех, там и враги; отражать угрозы внешние и внутренние миссис Кокер не привыкать, однако сейчас таинственный противник нацелился на ее империю целиком – и вдобавок все ближе неуютный фокус полицейского внимания: именно на ее клубы выводит расследование целой серии таинственных исчезновений молодых девушек. Совпадение ли?.. «„Храмы веселья“ – идеальный роман для наших беспокойных времен, когда востребовано утешение этой особенной чисто английской и ностальгической разновидности» (The Times). Впервые на русском!

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-33763-3

© Аткинсон К., 2022

© Азбука, 2022

Содержание

1926	12
Холлоуэй	13
Пиковая дама	17
Боу-стрит	26
Неловкий возраст	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Кейт Аткинсон

Храмы веселья

Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

Kate Atkinson
SHRINES OF GAIETY
Copyright © 2022 by Kate Costello Limited
All rights reserved

© Т. П. Боровикова, перевод, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

* * *

Кейт Аткинсон – настоящее чудо. Она один из лучших современных авторов, сокровище мирового масштаба. Действие «Храмов веселья» происходит в Лондоне «эпохи джаза», со всем его искристым безумием и жадной новизны. И как бы зловеще порой ни поворачивалась история, в ее глубине всегда мерцает огонек человечности.

Гиллиан Флинн

Кейт Аткинсон – из тех редчайших авторов, кто без малейших усилий смыкает разрыв между настоящей литературой и коммерческой прозой.

Фей Уэлдон

Кейт Аткинсон – обязательное чтение. Я обожаю все, что она пишет.

Харлан Кобен

Столь непринужденному сочетанию комичного и трагичного мог бы позавидовать сам Диккенс – разве что сюжет у Аткинсон выстроен даже хитроумнее.

Хилари Мантел

Талант у Кейт Аткинсон поистине безграничный.

Маргарет Форстер

Кейт Аткинсон – поразительный мастер. Когда вырасту, я хочу научиться писать, как она.

Мэтт Хейг

Блестящий роман.

Ричард Осман (The Times)

«Храмы веселья» – британский ответ «Великому Гэтсби», пропитый литературными аллюзиями на кучу шедевров, от Шекспира до Т. С. Элиота.

Майя Ставиская (Book Addict / Dzen.ru)

Шедевр сюжетостроения. Ансамбль действующих лиц идеально сложен и по-диккенсовски многообразен. Скрещения судеб и совпадения пронизывают всю ткань «Храмов веселья».

The Sunday Times

Предательства, соблазнения и невероятные персонажи крепко подцепят вас на крючок и не дадут скучать до самой последней страницы.

The Sunday Telegraph

«Храмы веселья» – книга, которую надо смаковать. Энергия, остроумие, искусно созданные образы – вот почему Кейт Аткинсон не теряет популярности.

The Guardian

Кейт Аткинсон глубоко понимает социальную историю XX века. «Храмы веселья» – идеальный роман для наших беспокойных времен, когда востребовано утешение этой особенной, чисто английской и ностальгической разновидности.

The Times

Многообразие персонажей, замысловатый сюжет – классическая Аткинсон, что тут скажешь. Бодрящий коктейль из детектива, романтики и сатиры, смешанный в лондонских ночных клубах «эпохи джаза».

Observer

«Храмы веселья» не просто читаешь, а отдаешься в их полную власть и разделяешь с автором то наслаждение, с которым прописана вся эта галерея неисправимых и неисправимо обаятельных проходимцев. Прямо Диккенс какой-то – но по стилю ближе к Теккерю...

Financial Times

Роскошная ночная жизнь и ее криминальное подбрюшье выписаны так ярко, что будто бы сам обоняешь стоялый сигаретный дым и пробуешь сомнительный алкоголь.

The Independent

Кейт Аткинсон снова играет в Диккенса, но на своих собственных условиях.

Mail on Sunday

Ярко и атмосферно, и восторг с первой до последней страницы.

Daily Mail

Пикантно, пронизательно, победоносно.

Good Housekeeping

Аткинсон владеет удивительным даром воскрешать прошлое, не подавляя читателя эрудицией. Харизматичные персонажи, искрометный диалог, увлекательный сюжет – и бесшабашная атмосфера города, не до конца оправившегося от ужасов Первой мировой.

Daily Express

Ослепительный портрет Лондона «эпохи джаза».
Woman's Weekly

Вечеринки до утра, продажные полицейские, подозрительные коктейли, дорогие автомобили, светские хроникеры, игорные притоны, роскошные наряды... Миссис Аткинсон – удивительная затейница, и к своему непростому финалу роман несется на всех парах.
The Economist

Купите «Храмы веселья» немедленно – и не пожалеете.
The Tablet

Яркий, масштабный – и, пожалуй, самый диккенсовский из всех романов Аткинсон.
The New York Times

Кейт Аткинсон мастерски воспроизводит и блеск, и нищету Лондона 1920-х – не оторвешься.
Time

Доживи Диккенс до «эпохи джаза» – наверняка у него вышло бы что-нибудь очень похожее на «Храмы веселья»: обширное, разухабистое полотно, идеально передающее беспшабашность «ревущих двадцатых».
Washington Post

Послевоенный Лондон вековой давности вышел у Аткинсон как живой. Не скупясь, она подает нам шипучий коктейль из тепла и меланхолии.
The New York Times Book Review

Идеальный баланс нежности и кручины, приправленный фирменным остроумием миссис Аткинсон. Ее словесное волшебство не дает нам упасть и в то же время опутывает паутиной сюжетных хитросплетений.
The Wall Street Journal

Удивительно изощренный, идеально отлаженный механизм повествования. Лондон «эпохи джаза» в «Храмах веселья» почти так же безжалостен, как викторианский метрополис у Диккенса, а интригами и преступлениями насыщен даже в большей степени. Словом, полный восторг.
Slate

Туго перекрученный пучок интриг... историческая ткань ручной выделки положительно блестит.
The Boston Globe

Стилизация под декоративный реализм Диккенса и Э. М. Форстера, и на каждой странице – эволюция от жанра к жанру и обратно: комедия, трагедия, реализм, постмодернизм...
Oprah Daily

Как и все романы Аткинсон, «Храмы веселья» не укладываются в жанровые рамки. Это историческая проза, однако в современной оптике.
Kirkus

Привычно язвительная проза, по-византийски коварные интриги... а в самом сердце роскошного исторического полотна – замысловатая игра в кошки-мышки.

Publishers Weekly

Захватывающая реконструкция Лондона 1920-х годов. Аткинсон искренне любит своих персонажей, и даже самые эпизодические из них описаны с достоверной глубиной, так что сопереживаешь каждому их взлету и падению.

Booklist

Каждую книгу Аткинсон открываешь с привычной радостью – с чувством, что важна каждая мелочь и что каждый сюрприз в итоге сыграет необходимую роль.

BookPage

Восхитительно... Аткинсон снова на своем неповторимом коне.

Vogue

Кейт Аткинсон совершенно уникальна в своем умении воспроизвести живую ткань самой истории, превосходя даже таких мастеров, как дважды лауреат Букеровской премии Хилари Мантел.

The Times

Кейт Аткинсон никогда не ограничивала себя детективным жанром, и все у нее выходило с неизменным блеском.

The New York Times

Мастер-класс сюжетной смелости, песнь любви и утраты во всех мыслимых проявлениях.

The Guardian

Остроумие Аткинсон и гениальное проникновение в характеры восхитительно украшают прочный костяк ее идей. Романы ее замечательны сами по себе, и вдобавок каждый из них демонстрирует внушительный рост блистательного и глубоко оригинального писателя.

Daily Express

Каждую новую книгу Аткинсон ждешь, как Рождества: никто другой из наших современных писателей не способен так виртуозно балансировать на грани между серьезным и увлекательным, комичным и трагичным.

Sunday Telegraph

Один из самых блестящих, остроумных авторов нашего времени.

The Scotsman

По литературному мастерству, по яркости и глубине психологических описаний Кейт Аткинсон сегодня нет равных.

Evening Standard

Поистине выдающийся автор, добавивший новых оттенков в британскую литературную палитру. Главная сила Аткинсон – в наблюдательности и юморе.
The Guardian

Кейт Аткинсон переосмысляет историю на самом что ни на есть человеческом уровне.
Daily Mail

Кейт Аткинсон смело экспериментирует с такими понятиями, как свобода воли, предопределение и само время. Ее героев не забудешь при всем желании, а в том, что касается развития сюжета, она без преувеличения гений.
The New York Times

Романы Аткинсон замечательны и сами по себе, и как признаки того, что на наших глазах растет блестящий, глубоко оригинальный писатель.
Daily Telegraph

Кейт Аткинсон остроумна, не говорит ни одного лишнего слова, заставляет вас задуматься и не идет ни у кого на поводу.
Sunday Times

Кейт Аткинсон умеет быть загадочной и смешной, поднимая этот свой дар в каждом новом романе до заоблачных высот.
Sunday Tribune

Читать Кейт Аткинсон – все равно что катиться с американских горок. Скучно не будет.
Mail on Sunday

Кейт Аткинсон пишет, руководствуясь остро отточенным литературным чутьем... Забавно, умно и странно трогательно.
Caledonian

Ее книги буквально искрят энергией и остроумием... удовольствие автора от самого процесса письма заразительно.
Literary Review

Как это у нее получается? Аткинсон заставляет читателя то хохотать до упаду, то рыдать в голос – иногда в пределах одной и той же фразы. Выдающийся триумф, неудержимая радость!
The Boston Sunday Globe

Блестящая, энергичная, лихая проза Аткинсон потрясает... Остроумно, смело и незабываемо.
The Times

Автор явно любит своих героев и выписывает их непростые взаимодействия с азартным упоением. А ее страсть к Англии и всему английскому – немодный и приятный сюрприз.
Spectator

Секрет ее успеха в том, что не важно, узнаёт ли читатель всякий жест в ее эквилибристике, поскольку множество персонажей описаны с такой яркой

точностью, что в центре всего оказываются они сами и события, с ними происходящие.

New York Times Book Review

В каждой семье найдутся свои негодяи, бунтари, лжецы и обманщики – но только Кейт Аткинсон умеет описать их с таким юмором и так полнокровно.

The Washington Times

Литературная карьера англичанки Кейт Аткинсон вычертила довольно необычный зигзаг: начав с «просто романов», писательница переместилась в нишу детектива, добилась там колоссального успеха, а затем, не моргнув глазом, вновь вернулась к «просто романам».

Галина Юзефович

Жила-была в ревушие двадцатые ирландская владелица лондонских ночных клубов Кейт Мейрик. За тринадцать лет оглушительной карьеры она заработала и потратила целое состояние, отсидела пять (коротких) тюремных сроков и стала прообразом мамы Мейфилд из «Возвращения в Брайдсхед» Ивлиана Во. Самой известной площадкой Мейрик был «Клуб 43» на Джерард-стрит в Сохо. Судьи называли ее заведения «пляшущими преисподними и сточными канавами аморальности», но для истории они оказались олицетворениями Века джаза.

У Кейт Аткинсон лондонская «королева ночных клубов» предстает под именем Нелли Кокер; ей помогает вести дела сын, только что вернувшийся с полей Первой мировой. Нелли оказывается втянута в полицейское расследование: племянница одной библиотечарши и военной медсестры пропала без вести, и путь ее обрывается как раз в Сохо, в одном из местных ночных клубов; причем это далеко не единственное исчезновение. Расследует их инспектор по фамилии Фробишер, походивший одновременно на Мегрэ и Порфирия Петровича.

Год литературы: Дневник читателя

Питеру Стросу

Утром ранним, вечерами

Весело нам!

Шии в кармане, но ведь правда —

Весело нам?

1926

Холлоуэй

– Там кого-то вешают? – нетерпеливо спросил мальчик-газетчик, не обращаясь ни к кому в особенности.

Тринадцатилетний, он не вышел ростом и сейчас подпрыгивал, пытаясь получше разглядеть, что за театральное действо происходит у ворот. Едва рассвело, небо было еще совсем темное, но это не помешало пестрой толпе из очень разных людей собраться у тюрьмы Холлоуэй. Половина толпы встала рано, другая же половина, похоже, еще и не ложилась.

Многие пришли в вечерних нарядах – мужчины в смокингах или фраках, женщины мерзли в легких шелковых платьях с голой спиной под меховыми мантиями. Мальчик ощущал застарелые миазмы алкоголя, духов и табака. «Фраера», – подумал он. Его удивило, что они стояли бок о бок с фонарщиками, молочниками и фабричными рабочими ранней смены, не говоря уж о всяком сброде и зеваках, которых всегда привлекает возможность поглазеть, даже неведомо на что. Себя мальчик к последним не причислял. Он лишь с любопытством наблюдал со стороны причуды рода человеческого.

– Ну так что, вешают? – не отставал он, дергая за рукав ближайшего фраера – крупного краснолицего мужчину с едкой сигарой в зубах и открытой бутылкой шампанского в руке.

Должно быть, вечер тот начал в безупречном виде, но сейчас крахмальная манишка была усеяна пятнами еды, а блестящие лакированные штиблеты забрызганы рвотой. Увядшая от ночных излишеств красная гвоздика поникла в петлице.

– Отнюдь нет, – откликнулся фраер, добродушно покачиваясь. – Радостное событие. Мамашу Кокер выпускают.

Мальчик подумал, что «Мамаша Кокер» звучит как персонаж детской считалочки.

С другого бока от него стояла женщина в унылом габардиновом пальто, держа перед собой картонку, как щит. Мальчику пришлось вытянуть шею, чтобы прочесть написанное. В картонку было яростно вцарапано карандашом: «Труды праведного – к жизни, успех нечестивого – ко греху. Притчи 10: 16». Мальчик беззвучно шевелил губами, но даже не пытался осмыслить эти слова. Десять лет подряд его насильно таскали в воскресную школу, но он умудрился пропустить мимо ушей почти все, что касалось грехов.

– За ваше превосходнейшее здоровье, мадам, – бодро провозгласил фраер, отсалютовал бутылкой женщине в унылом пальто и приложился к горлышку; она мрачно зыркнула на него и буркнула что-то про Содом и Гоморру.

Мальчик протиснулся в первые ряды, откуда было хорошо видно внушительные ворота – деревянные с железными заклепками, больше подходящие средневековой крепости, чем женской тюрьме. Будь мальчиков трое, встань они друг другу на плечи, как китайские акробаты (он видел таких в «Ипподроме»), тот, что сверху, может, и дотянулся бы до верхней арки ворот. Тюрьма Холлоуэй будоражила воображение мальчика. Он представлял себе, как за толстыми каменными стенами томятся прелестные беспомощные девушки в ожидании спасителя – в первую очередь его самого.

Стремясь запечатлеть волнующее событие, рядом суетился фотограф из «Эмпайр Ньюс» – его выдавала карточка, лихо заткнутая за ленту шляпы. Мальчик ощутил родство душ – как-никак они оба сотрудники индустрии новостей. Фотограф снимал групповой портрет нескольких «светских прелестниц». О таких мальчик был наслышан, поскольку не ленился полистать «Татлер» и «Байстэндер», разнося их по почтовым ящикам.

Прелестницы – редкие птицы в этих краях – позировали перед воротами тюрьмы. Трое старших, на вид лет двадцати, кутались в роскошные меха, спасаясь от утреннего холода. Четвертая, слишком юная для прелестницы, была в шерстяном школьном пальто. Все четверо застыли в изящных позах, будто сошли с гравюры, запечатлевшей последние моды. Видно

было, что восхищенный взгляд объектива им не в новинку. Мальчика сразила страсть. Женская красота легко обезоруживала его.

Фотограф выкопал в недрах кармана блокнот и записал имена девушек, чтобы назавтра не ошибиться в подписях. Нелли Кокер чем-то держала редактора, отвечающего за фото. Видно, за ним водятся грешки, предположил фотограф.

– Эй, там! – крикнул он кому-то вне поля зрения. – Рамзи, давай сюда! Вставай рядом с сестрами!

Появился юноша, и его поставили в общую кучку. Он явно не желал фотографироваться, но для вспышки вовремя изобразил на лице оскал.

Затем безо всяких фанфар отворилась небольшая дверца в огромных тюремных воротах и вышла малорослая, похожая на сову женщина, щурясь от надвигающегося света свободы. Толпа, особенно представители «чистой публики», разразилась приветствиями: «Даёшь, мамаша!» и «Нелли, ура!» Впрочем, мальчик расслышал и выкрик «Иезавель!» откуда-то из середины толпы – возможно, со стороны унылого габардина.

Нелли Кокер выглядела вяло и совсем не походила на библейских иезавелей, как их представлял себе мальчик. С огромным букетом белых лилий и розовых роз, который ей тут же всучили, она казалась совсем маленькой. Одна из прелестниц держала наготове большую меховую шубу и набросила ее на плечи освобожденной арестантки, будто сбивая пламя. Мальчику это напомнило, как мать проделала то же самое с младшей сестренкой, когда та еще младенцем свалилась на каминную решетку и подол платья занялся. Обе уцелели, остались только небольшие шрамы.

Прелестницы столпились вокруг женщины – их матери, как догадался мальчик, – целовали и обнимали ее. Младшая жалась к ней, явно переигрывая, на его взгляд. Мальчик был знатоком театрального искусства: маршруты разноски газет пролегали мимо служебных входов всех театров Вест-Энда. В «Паласе» вахтер служебного входа, бодрый ветеран Соммы, бесплатно пропускал его на галерку во время дневных спектаклей. Мальчик уже пять раз посмотрел «Нет, нет, Нанетт» и был по уши влюблен в Бинни Хейл, очаровательную звезду шоу. Он знал наизусть все слова песен «Чай для двоих» и «Я хочу счастья»¹ и готов был их спеть, если попросят. Особенно ему врезалась в память сцена, где кордебалет и сама Бинни (мальчик решил, что после стольких встреч имеет право называть ее запросто) появлялись на сцене в купальных костюмах. Зрелище было будоражаще скандальным, и у него всякий раз чуть глаза на лоб не лезли.

Правда, за бесплатный проход приходилось расплачиваться, слушая бесконечные военные байки привратника и восхищаясь его коллекцией шрамов. Когда началась война, мальчику был всего год, и она, как и грех, пока была для него пустым звуком.

* * *

На Рамзи, младшего из двух сыновей Нелли, перевалили бремя врученного матери букета, и фотограф подловил его с цветами в руках, будто краснеющую невесту. К вящему неудовольствию сестер (да и самого Рамзи), именно этот снимок назавтра украсил газету под заголовком «СЫН СКАНДАЛЬНО ИЗВЕСТНОЙ СОДЕРЖАТЕЛЬНИЦЫ НОЧНЫХ КЛУБОВ СОХО НЕЛЛИ КОКЕР ВСТРЕЧАЕТ МАТЬ ИЗ ТЮРЬМЫ». Рамзи мечтал прославиться собственными силами, а не быть придатком к славе матери. От запаха цветов его пробрало на

¹ «No, No, Nanette» – мюзикл Винсента Юманса на стихи Ирвинга Сизара и Отто Харбаха, либретто Отто Харбаха и Фрэнка Мэндела на основе пьесы Харбаха «Мои подруги» (1919). В 1924 г. мюзикл стал хитом в Чикаго, в том числе благодаря успеху песен «Tea for Two» и «I Want to Be Happy», а годом позже открылся на Бродвее и в лондонском Вест-Энде (театр «Палас»), где главную роль исполнила *Бинни Хейл* (1899–1924). В Нью-Йорке мюзикл продержался 321 представление, в Лондоне – 665, и неоднократно возобновлялся; также вышли две экранизации – в 1930 и 1940 гг. – *Здесь и далее примеч. перев.*

чих – «чхи-чхи-чхи», раз за разом, – и мальчик-газетчик расслышал реплику Нелли: «Господи боже, Рамзи, да возьми ты себя в руки». Моя бы ровно то же самое сказала, подумал мальчик.

– Мам, поедem домой, – сказала одна из сонма прелестниц.

– Нет, – решительно возразила Нелли Кокер. – Едем в «Аметист». Отпразднуем.

Капитан твердо взялся за штурвал.

* * *

Толпа начала рассасываться, и мальчик-газетчик двинулся своим путем, воодушевленный тем, что стал свидетелем исторического события. Тут он вспомнил о припрятанном с утра сморщенном яблоке. Вытащил его из кармана и смачно захрустел, совсем как лошадь. Яблоко было восхитительно сладкое.

Фраер с сигарой заметил мальчика и сказал: «Знатное шоу, а?» – словно и впрямь интересовался его мнением, а потом отвесил дружелюбную заушину и наградил шестипенсовиком. Мальчик весело поскакал прочь.

Удаляясь, он услышал, как кто-то в толпе закричал: «Держи вора!» Впрочем, этот термин годился для любого из присутствующих, кроме разве что одного человека, который наблюдал с безопасного расстояния из окна неприметного автомобиля. То был старший инспектор Джон Фробишер – «Фробишер из Скотленд-Ярда», как называли его в журнале «Джон Буль», хотя и не совсем точно, поскольку сейчас инспектора временно прикомандировали к участку на Боу-стрит в Ковент-Гардене с задачей «перетряхнуть их немножко». Ни для кого не было секретом, что в участке процветает коррупция, и Фробишеру поручили выявить паршивых овец.

Недавно журнал «Джон Буль» попросил инспектора написать серию статей о работе полиции, с прицелом на будущую книгу. Фробишер не самовлюблен, вовсе нет, но вдохновился этой идеей. Он всегда был книгочеем, и творческая задача увлекла его. Правда, теперь он засомневался. Сам он предлагал заголовок «Лондон под покровом тьмы», но журнал продавливал «Ночь на квадратной миле порока». Фробишер не понимал, почему его это удивляет: ведь любой бульварный листок пестрит шокирующими историями об иностранцах, совращающих женщин с пути истинного. Хотя на самом деле женщине скорее грозит, что у нее средь бела дня вырвут сумку.

До сих пор в «Джоне Буле» ничего не напечатали, только всякий раз, когда Фробишер приносил что-нибудь, просили добавить «жареного», «огоньку». То и другое было чуждо характеру Фробишера. Он трезво смотрел на жизнь, хоть и был не так уж прост и не лишен чувства юмора – качества, мало востребованные в Скотленд-Ярде.

Он рассеянно следил за двумя женщинами, которые незаметно передвигались в толпе, виртуозно обчищая карманы. Фробишер узнал в них шестерок из женской банды «Сброк вороков», но девицы были мелкой сошкой и сейчас его не интересовали.

Подъехали два двухцветных, кремовых с черным, «бентли» – один свой, другой взятый напрокат для пушей важности. Кокеры расселись по ним и укатили, помахивая публике ручкой, будто королевские особы. Преступление обогащает, борьба с ним – нет. Фробишер с трудом подавил укол зависти к «бентли». В душе инспектора вскипала обида законопослушного человека. Сам-то он пока всего лишь копил на скромный «остин-семерку», автомобиль для масс.

Порочную империю Кокеров он собирался разрушить до основания. Грязное подбрюшье Лондона, украшенное блестящими цацками, сосредоточилось в ночных клубах, особенно в «Аметисте» – крикливой драгоценности в самом сердце Сохо. Фробишера тревожил не столько упадок морали – танцы, выпивка, даже наркотики, – сколько судьба девушек. В Лондоне пропадали девушки. Он знал как минимум о пяти исчезнувших за последние несколько недель.

Куда они девались? Фробишер подозревал, что они входили в двери клубов Сохо и больше не выходили.

Он обернулся к женщине, сидящей сзади в той же машине без опознавательных знаков:

– Вы хорошо их рассмотрели, мисс Келлинг? Как вы думаете, сможете выполнить мое поручение?

– Безусловно, господин старший инспектор, – кивнула Гвендолен.

Пиковая дама

В «Аметисте» главный бармен Фредди Бассетт преподнес Нелли очередной огромный букет.

– Добро пожаловать домой, миссис Кокер, – сказал он. Никаких «Нелли», он никогда не опускался до фамильярностей с семьей. У него были свои стандарты. Он проходил стажировку в «Рице» и потом работал там же, пока не лишился места из-за неприятного инцидента с двумя горничными в кладовке для белья.

– Можете представить себе остальное, – сказал он Нелли, когда пришел наниматься в «Аметист».

– Лучше не буду, – ответила она.

Нелли не любила цветы, считая их слишком капризными. По ее мнению, им место было на свадьбах и похоронах, но не на ее собственных, уж извините. Нелли желала покинуть мир неприкрашенной, как и появилась в нем: без единой ромашки.

Вместо цветов она предпочла бы получить коробку пирожных из «Мезон Берто» за углом на Грик-стрит – шоколадные эклеры или ром-бабы, а лучше и то и другое. Нелли обожала сладкое, пристрастившись к нему еще в детстве благодаря шотландским конфетам «Кислая слива» и «Ховикские шарики». Ужаснее всего в тюремной жизни оказалась еда. Дочери по воскресеньям приносили матери в тюрьму карамельки. За время заключения у Нелли появилось много идей о реформе пенитенциарной системы, и первой в списке стояла еженедельная выдача сладостей на два пенса – зефира и кокосовой помадки, если уж выбирать.

Когда полгода назад Нелли водворили в Холлоуэй, персонал «Аметиста» послал ей вслед дары, достойные праздника урожая, – огромный букет цветов и корзину экзотических фруктов, собранную торговцем с рынка Ковент-Гарден, завсегдатаем клуба. Сотрудники украсили подарок надписью «Удачи», вырезанной из затейливой рельефной серебряной карточки, откопанной в дальнем чулане с новогодними украшениями клуба.

Эту роскошь конфисковала надзирательница, едва Нелли оказалась внутри мрачных стен. Экзотические фрукты – ананасы, персики, фиги – поделили между персоналом, пока Нелли довольствовалась скудным тюремным пайком – неизменным гороховым супом, пудингом на нутряном сале и говяжьим рагу, мерзким блюдом, и рядом не лежавшим с коровой, на родство с которой оно претендовало.

В самый первый вечер, перед отбоем, в лючок на двери камеры Нелли просунули розу, красную, выдернутую из букета. Нелли не поняла, в каком духе ее преподнесли – издевательски или желая утешить. Сокамерница, бельгийка, застрелившая любовника, не испытывала подобных сомнений. Она выхватила розу и топтала ее ногами в тяжелых ботинках, пока лепестки не обагрили холодные камни пола в камере.

* * *

Клуб закрылся на ночь совсем недавно, и почти все работники остались, чтобы встретить своего капитана звуками фанфар. Только оркестр уже упаковал инструменты и ушел (он упрямо отстаивал свою независимость). Миновал уже час с тех пор, как музыканты сыграли гимн «Боже, храни короля», под который покачивались последние стойкие посетители. Нелли была строга (и правила соблюдались еще строже в ее отсутствие), – никто не смел сидеть, когда звучал гимн, даже самые пьяные. Сейчас из всех посетителей осталась лишь пара завсегдатаев, благодушных поддатых фланёров, присоединившихся к хору мальчиков на побегушках, пор-

тье, официантов и повара, ответственного за завтрак. Они дружно подхватили возглас Фредди: «Миссис Кокер, с возвращением!»

Клуб только что пережил необычайно оживленный для будней вечер, когда каждый второй посетитель, казалось, явился прямиком с матча по регби или из университетского братства для буйных студентов. Стайка усталых хостесс, платных партнерш по танцам, хлопотала вокруг Нелли. От них несло несвежей, пошлой смесью пудры, духов и пота, но все же это был приятный, знакомый запах после миазмов тюрьмы Холлоуэй, и Нелли позволила девицам обнять себя, прежде чем отправить их по домам. С рассветом ночной клуб сдувался. «Аметист» оживал только ночью; его разверстая пасть требовала, чтобы ее непрерывно питали людьми.

Повар снова зажег конфорки плиты на кухне, чтобы приготовить завтрак для Нелли. Норфолкские куры неустанно снабжали «Аметист» яйцами, которые дюжинами доставлял ночной молочный поезд. Повар жаждал узнать, что подавали на завтрак в тюрьме.

- Ломоть хлеба с маргарином и кружку какао, – просветила его Нелли.
- Подкину пару сосисок, вам нужно подкрепиться, – предупредительно сказал он.
- Пожалуй, не помешает, – согласилась Нелли.

Семья удалилась в один из отдельных кабинетов, где официант сервировал стол, разложив серебряные приборы на свежей скатерти, а Фредди открывал шампанское. «Дом Периньон» для семьи, а для сотрудников клуба – сорт попроще, оптом по семь шиллингов шесть пенсов за бутылку, а с посетителей по три гинеи. За большую – восемь. Есть ли звук приятнее, говорила Нелли, чем хлопок пробки шампанского?

– Только если не мы за него платим, – заметила Эдит, в чьих жилах кровь Кокеров текла стремительным, полноводным потоком.

* * *

Представим читателю потомство Нелли Кокер в том порядке, в котором оно появилось на подмостках мира. Прежде всех Нивен – сегодня на встрече у ворот тюрьмы он отсутствовал, но это никого не удивило, – и вскоре за ним Эдит. Последовала пауза, когда Нелли пыталась предотвратить дальнейшее материнство, но, потерпев неудачу, произвела на свет подряд Бетти, Ширли и Рамзи, а под занавес – последыша, ныне одиннадцатилетнюю Китти, или *le bébé*², как иногда называла ее Нелли, тщетно пытаясь отыскать нужное имя в перечне многочисленных отпрысков. Нелли получила французское образование, что можно трактовать по-разному.

В свидетельстве о рождении Китти фигурировал отец, хотя Эдит заявляла, что это – совершенно точно – имя майора, погибшего в битве на Марне за год до рождения девочки. («Чудеса случаются», – невозмутимо говорила Нелли.)

Три старшие дочери были ударными войсками семьи. Бетти и Ширли окончили Кембридж. «Носят свою ученость легко», – гордо говорила Нелли потенциальным женихам. («Практически незаметно», – язвил Нивен.) Порой Нелли была больше похожа на театрального импресарио, чем на мать.

Эдит отвергла и университет, и замужество в пользу курсов бухгалтерского учета. Это она рулила кораблем Кокеров, пока Нелли отсиживала «на скамье штрафников» в Холлоуэй. «Аметист» закрыли, хотя Эдит, конечно, назавтра же после приговора Нелли открыла его под другим названием – «Колода карт». Впрочем, он для всех всегда был и дальше собирался оставаться «Аметистом».

Эдит, выкованная из того же металла, что и мать, была ее правой рукой, доверенным лицом. Эдит понимала в бизнесе и обладала необходимым для этого стальным борджиевским желудком. Деньги решали всё. Все Кокеры знали, каково это – иметь их чуть-чуть, потом не

² Дитя (фр.).

иметь, а теперь иметь много, и никто не хотел снова сорваться в пропасть нищеты. Разве что Рамзи не слишком переживал. Он хотел стать писателем. «Я отчаялась», – говорила Нелли.

Рамзи, едва достигший двадцати одного года, постоянно терзался ощущением, будто что-то упустил.

– Слово я вошел в комнату, а все остальные только что оттуда вышли, – пытался он объяснить Ширли, своей обычной наперснице. Нивен побывал на войне, Бетти и Ширли – в Кембридже, но Рамзи по годам не попал на фронт и не продержался и семестра в Оксфорде, прежде чем был сослан в альпийский санаторий: «Легкие все в дырах, как мехи у гармошки», по словам врача в больнице Святого Варфоломея. Если честно, это стало для Рамзи облегчением. Он робел перед однокурсниками. В Мертоне с ним доучивался кое-кто из ветеранов, не успевших выпуститься до ухода на фронт. Эти люди прошли сквозь огонь. Они были старше, чем значилось у них в метриках, тогда как Рамзи знал, что он по развитию младше своих лет.

Рамзи, казалось, был для семьи как открытая книга, а вот Нивен оставался для всех родных загадкой. Он был совладельцем автомобильного салона на Пикадилли и партнером в фирме по импорту вин, выставлял собаку на бегах на стадионе «Уайт-Сити» и владел половиной лошади, которая порой мельтешила на ипподроме, не привлекая внимания букмекеров, и неожиданно приходила первой. («Удивительно», – говорила Нелли.) Он водил знакомство и с преступниками, и с герцогами. («Никакой разницы», – говорила Нелли.) Он почти не пил, но много тусовался. Он недолюбливал тусовщиков и вообще людей, а дураков не выносил. Он никогда не увлекался наркотиками, насколько было известно семье, но когда-то крутился среди китайцев, которые ими торговали, и навещался в Лаймхаус, а также его неоднократно видели за чашкой хризантемового чая в печально известном ресторане Алмаза Чанга на Риджент-стрит незадолго до депортации последнего. Из Нивена вышел бы хороший методист-веселянец, но церковь его не интересовала.

* * *

Собственные предки Нелли терялись в тумане времен – или, в ее случае, в ирландском болотном тумане, – но она знала (во всяком случае, утверждала), что ее бабушка по материнской линии была изгнана из Ирландии за бродяжничество, тем самым избежав смерти во время Великого картофельного голода, и положила начало династии. Она всплыла в Глазго, где ходила от двери к двери, предлагая «галантерейный товар», прежде чем перебраться на восток и попасть (неизвестно, каким образом) в объятия зажиточного лэрда из Файфа, второго сына, ставшего первым после смерти брата при загадочных обстоятельствах. Темные люди распускали слухи, что старшего брата сглазили.

Сыграли поспешную свадьбу. Бабушка Нелли уже носила в себе тайну матери Нелли, после рождения которой новоиспеченный лэрд с энтузиазмом принялся проигрывать семейные деньги и спиваться до смерти.

К моменту появления на свет самой Нелли от семейного состояния мало что осталось. Еще совсем юной ее отправили во Францию для получения образования – в школу при монастыре в Лионе, после чего «окончательно отшлифовали» (в разных смыслах) в Париже. Новоявленная парижанка, возможно уже *enceinte*³ Нивеном, вернулась в Эдинбург и вышла замуж за врача из Инвернесса. Они завели роскошный не по средствам дом в Ньютауне, модном районе в центре Эдинбурга, и Нелли обнаружила, что молодой муж – не только пьяница, но и азартный игрок. В конце концов, когда ни денег, ни способности прощать уже не осталось, Нелли взяла дело в свои руки, запихнула детей в вагон третьего класса на вокзале Уэверли и вытащила их уже на Кингз-Кросс.

³ Беременная (фр.).

Всех, кроме Нивена, старшего, – его уже призвали в Шотландскую гвардию в Эдинбурге и отправили на фронт. Не добровольцем. Нивен не пошел бы в армию добровольцем. И вообще добровольно никуда не пошел бы. Его призвали рядовым после того, как он отказался от офицерского звания, на которое имел право благодаря учебе в школе «Феттес». Частные школы Великобритании услужливо поставляли на фронт пушечное мясо в виде младших офицерских чинов, которые, как было известно всем, почти мгновенно гибли. Нивен не желал подобной привилегии. Он заявил, что будет рисковать наравне со всеми. Так он и поступил и выжил.

Остальных Нелли притащила в Лондон и оставила сидеть на сундуках на перроне, а сама отправилась на поиски жилья. Фунт в неделю за комнаты на втором этаже на Грейт-Перси-стрит, прямо за углом от вокзала. Не имея денег даже на первую неделю аренды, Нелли предложила хозяйке свое обручальное кольцо в залог. Это было не ее собственное кольцо – то давно потерялось (по небрежности, сказали бы некоторые), и она купила дешевое девятикаратного золота⁴ в ломбарде. Вдова с войны, сказала Нелли хозяйке дома на Грейт-Перси-стрит, муж погиб под Ипром. Дети с интересом посмотрели на мать. Бетти и Ширли видели отца всего неделю назад: он, пошатываясь, брел по Сент-Эндрю-сквер, когда они шли из школы.

Нелли живописала свои несчастья – шестеро детей, одна еще (почти) младенец, другой на фронте. Сердобольная хозяйка распахнула перед ними двери. Даже кольцо брать не стала. Она была добрейшая душа и до сих пор одевалась по моде прошлого века.

В доме было четыре этажа. Сама домовладелица жила под Кокерами, на первом, над Кокерами обитало шумное семейство бельгийских беженцев, а на чердаке – пара русских «большевистов»: они были очень милые, хоть и не слишком чистолюбные, выполняли разные работы по дому и научили юного Рамзи нескольким словам на своем языке, а также карточной игре под названием «преферанс». Они могли расписывать пулю всю ночь напролет, попивая картофельный самогон, который брали у одного типа в Холборне. Нелли узнала и пришла в ярость. Карты уже погубили нашу семью в прошлом, сказала она, и я не позволю им погубить нас в будущем.

Девочкам очень нравилось новое жилище, потому что у хозяйки был большой пушистый кот темной масти по кличке Моппет, с которым они возились часами – наряжали в платьица и чепчики Китти и расчесывали его роскошную шубу, пока бедный Рамзи не начинал задыхаться. Сама Нелли подрабатывала шитьем; она превосходно шила, научилась этому ремеслу у монахинь в альма-матер в Лионе. У домовладелицы стояла без дела швейная машинка «Зингер» с ножным приводом. «Большевики» перетащили ее из хозяйкиной квартиры к Кокерам.

Нелли зорко следила за расходами семьи. Подошвы ботинок чинили жидким каучуком, воротнички чистили хлебным мякишем, ужинали печеночным супом и пирогами с угрем. Нелли была превосходным экономистом. Она выкраивала по грошу то там, то здесь и все это время вынашивала план.

Дети были бы рады остаться на Грейт-Перси-стрит, но через несколько месяцев хозяйка дома умерла, а ее сын, живший в Бирмингеме и никогда ее не навещавший, написал, что решил «всё продать» и на вырученные деньги перебраться в Америку. Нелли успела привязаться к хозяйке за время совместного проживания, иногда составляя ей компанию за послеполуденным чаем. Хозяйка увлекалась выпечкой, ее репертуар был основан на поваренной книге «Берро»: печенье с сухофруктами, сдобные лепешки, маффины – Нелли все это весьма ценила.

Нелли привыкла слышать обыденные звуки из хозяйской квартиры – шум воды, хлопанье дверей и тому подобное. В тот день до нее медленно дошло, что внизу царит тишина, и она спустилась проверить. Накануне вечером она гадала хозяйке на картах и увидела «большие перемены», но ничего про смерть.

⁴ Соответствует 375-й пробе.

Когда на стук никто не ответил, Нелли открыла дверь, зная, что та никогда не запирается. В комнатах царила пустота, тяжело лежала пыль безмолвия. Нелли опечалилась, но не удивилась, обнаружив, что хозяйка так и не проснулась сегодня утром и покоится на своей кровати вечным сном.

Нелли слегка навела порядок. Полки, ящики: что-то убрала, что-то достала. Она знала, что в чайнице, сувенирной, с коронации Эдуарда VII, лежат деньги. Купюры были извлечены и убраны в карман фартука. Под высокой латунной кроватью, на которой безмятежно возлежала покойница, Нелли заметила ржавый железный ящичек вроде большой кассы. Нелли подцепила его тростью старушки и вытащила из-под кровати. Ящик был заперт; пришлось еще изрядно покопаться, чтобы найти ключ, который оказался в вазочке с ароматической смесью.

Нелли рассчитывала обнаружить старые пыльные бумаги. Договор аренды, завешание. Она не ожидала найти клад. Королевскую сокровищницу. Бриллианты, рубины, сапфиры, опалы и гранаты. Кольца и броши, браслеты и обручья. Запонки и ожерелья, изумрудную тиару в русском стиле, жемчужное кольцо в пять нитей. Камеи, кораллы, пару прекрасных аквамариновых серег-подвесок, многорядный опаловый браслет с рубинами и бриллиантами.

Что за тайную жизнь вела неприметная домовладелица, чтобы собрать такие сокровища? Нелли предпочла не строить догадок. Лишь позже она узнала, что добрейшая старушка-хозяйка на самом деле была скупщицей краденого для лондонских банд и эти драгоценности уже не раз переходили из рук в руки. Нелли не могла не восхититься тихим двуличием старушки. Это был урок мимикрии.

Что же до угрызений совести, то Нелли уговаривала себя, что, возможно, хозяйка, знай она, что скоро умрет, сама подарила бы драгоценности жиличке. Маловероятный, но утешительный сюжет. Нелли, ступая с раскаянием, поднялась по лестнице к себе и послала Эдит за доктором для домовладелицы.

– Она заболела? – спросила Эдит.

– Очень сильно, – ответила Нелли.

Позднее Нелли думала, что, похоже, гадала не хозяйке, а себе, ибо великие перемены и впрямь пришли. Кокеры попрощались с «большевистами» (те двинулись в путь через всю Европу к своей революции) и съехали с Грейт-Перси-стрит, пока их не выставил сын хозяйки и пока ее преступные дружки не явились за пропавшей добычей. Много лет (возможно, и по сей день) Нелли озиралась на улице, гадая, не пронюхали ли воры, что она прикарманила их добычу, и не готовятся ли отомстить.

Семья сняла подвал с плесенью и мышами на Тотнем-Корт-роуд. Моппета взяли с собой, и он оказался превосходным крысоловом, с лихвой отрабатывая свое содержание. В качестве епитимьи Нелли решила продать самую полюбившуюся ей вещь – роскошное аметистовое ожерелье начала XVIII века – знакомому ростовщику, сторговавшись до кругленькой суммы в пятьдесят фунтов. Нелли была мастерицей торговаться. Остальное она припрятала, чтобы продавать поштучно по мере надобности. В делах Нелли была прижимиста. Каждое начинание, считала она, должно финансировать следующее. Бизнес рождает бизнес.

Нелли наткнулась на объявление в «Газетт» от некоего Ягера. Он оказался неотесанным мелким мужчинкой, похожим на хорька, но явно смыслил в своем деле. Во время войны он устраивал «танго-чаепития» в подвале в Фицровии, но мода на танго прошла, и он искал компаньона для организации *thés dansants*⁵. Вместе Нелли и Ягер нашли цокольное помещение – по сути, подвал – на Литтл-Ньюпорт-стрит возле Лестер-сквер и вложили немало денег в его обустройство, после чего стали продавать абонементы по два шиллинга за вечер танцев и угощения. Назвали заведение «Танцевальный зал Ягера».

⁵ Чаепития с танцами (*фр.*).

В «Савое» – обители шампанского и орхидей – брали по пять шиллингов, и Нелли полагала, что там подавали изысканные закуски. «Танцевальный зал Ягера» предлагал более сытный *thé* – кексы в глазури, сэндвичи, лимонад и нечто под названием «Кровь турка», ярко-розовое пойло из лимонада, ангостуры и кармина. Разумеется, лицензию на алкоголь они брать не стали. Поначалу они соблюдали закон, но потом решили, что, если не станут подавать выпивку, это сделает кто-нибудь другой. Так что они тоже начали.

Чтобы облегчить переход границы между законным и преступным, Ягер взял в проводники некоего Артура Мэддокса, детектива-сержанта из участка на Боу-стрит. Мэддокс был легавым полезного толка и за определенную еженедельную мзду закрывал глаза на отсутствие лицензии и предупреждал Ягера с Нелли о готовящихся облавах.

«Танцевальный зал Ягера» взлетел, как ракета; там плясали до упаду под джаз и фокстрот рэгтайм-оркестра. Словно, пока ярилась война, люди жаждали только одного – веселиться. Шла весна 1918 года, и все устали от бессмысленной бойни.

Для Нелли это стало откровением. Она не могла не заметить, что многие мужчины под утро уходят домой с танцовщицами, с которыми еще несколько часов назад были совершенно незнакомы.

– Юные леди получают за это отличные чаевые, – флегматично заметил Ягер. – Их можно понять, правда?

В ночь перемирия в темных углах зала попросту совокуплялись – опять-таки партнеры, незнакомые друг другу. На улицах творилась оргия.

– Сношения, – еще флегматичней изрек Ягер. – На них мир держится, а? Лучше, чем убивать друг друга. Трахаться – природное занятие, скажешь – нет?

Нелли передернуло от этого слова, но волей-неволей пришлось согласиться. Столько народу полегло на войне, что она подумала – пытаясь облагородить низменную вульгарность происходящего, – уж не следуют ли веселящиеся инстинктивному позыву пополнить численность своего биологического вида. Как лягушки.

Видимо, ей стоило свыкнуться с понятием «веселье». Сама она его не жаждала, но была вполне готова обеспечивать его другим за определенную плату. Нет ничего дурного в том, чтобы хорошо проводить время, если ей самой не приходится в этом участвовать.

Одна из танцовщиц – ирландка Мод – умерла той ночью от передозировки опиума. Нелли нашла ее, скорченную, за стойкой бара в предрассветный час.

Ягер куда-то подевался, и Нелли мобилизовала парочку грубоватых солдат в увольнении, чтобы вынесли девушку. Расплатилась с ними бутылкой виски за труды.

– Куда ее? – спросил один.

– Не знаю, – ответила Нелли. – Пошевели мозгами. Попробуй реку.

Нелли рассчитала, что, если повезет, река протащит труп через эссексские болота и вынесет в море. Тех солдат Нелли больше не встречала и понятия не имела, последовали ли они ее совету. «С глаз долой – из сердца вон» – одно из полезных присловий, которыми она руководствовалась в жизни.

Ягер был для Нелли всего лишь ступенькой в будущее, возможностью набраться опыта. Она обдумывала план пограндиознее. После перемирия она продала Ягеру свою долю в танц-зале за пятьсот фунтов. Потом там несколько раз случались облавы, Ягера признали виновным в «продаже опьяняющих напитков» и в том, что превратил зал в «пристанище для женщин дурной репутации». Каждый раз ему впаивали штраф в триста двадцать пять фунтов. После четвертой облавы кряду Ягер признал поражение и ушел из клубного бизнеса.

* * *

На прибыль от «Танцевального зала Ягера» Нелли в приступе ностальгии по парижской юности открыла кабаре-клуб («Кабаре-интим», как она его называла) под названием «Moulin Vert»⁶ («Мулинвёрт» для не знающих французского).

Арендовав грязный подвал на Брюэр-стрит, Нелли сделала из него дворец – позолоченная отделка, пружинящий танцпол, столики в стиле монпарнассских кафе вдоль стен зала. У нее сложилось определенное видение – «мизансцена», как выразилась она, обращаясь к ветерану «Полка художников»⁷, которого наняла расписывать помещение. Он создал стенные росписи в духе Ренуара.

– Можно подумать, что ты на парижской улочке, – сказала Нелли и в несвойственном ей порыве щедрости отвалила художнику лишних пять фунтов.

На историческую сцену ворвались ревушие двадцатые, и «Moulin Vert» открылся с помпой. Между кабаре-номераами (их исполняли бывшие артисты вест-эндских театров) посетители танцевали, а после полуночи подтягивался почти весь кордебалет театра «Гэйети»⁸. Нелли наняла цыганский оркестр – не французский, конечно, но достаточно иностранный для публики «Мулинвёрта». Рекой лились и спиртное, и деньги. Облавы случались редко: сержант Мэддокс продолжал работать на Нелли.

Через несколько месяцев после открытия Нелли услышала, что художник, расписавший ее стены, застрелился. Многие солдаты не находили себе места в мирной жизни. Нелли с Эдит выпили за упокой его души после закрытия клуба.

Пару лет спустя Нелли получила предложение, от которого не смогла отказаться, и продала клуб. В ознаменование события она купила каждой из девушек по нитке нового жемчуга от Сиро со стразиками на застежках.

На деньги от продажи «Moulin Vert» Нелли приобрела помещение для нового клуба. Подыскивая название, она думала о куче сверкающих драгоценностей, вынесенных с Грейт-Перси-стрит. «Бриллиант»? «Сапфир»? «Рубин»? А потом припомнила ожерелье, которое помогло ей начать первое дело в Лондоне. И это имя точнехонько подошло, как в сказке про трех медведей. «Аметист».

Позже в империю Нелли вошли еще четыре ночных клуба – «Фея», «Лисья нора», «Сфинкс» и «Хрустальная чаша». Но главной драгоценностью в ее короне всегда оставался «Аметист».

До попадания в Холлоуэй Нелли почти каждую ночь восседала в маленькой утепленной кассирской будке у входа в клуб. Оттуда она правила своим королевством – сводила счета в конце вечера, выдавала сдачу официантам, собирала входную плату. Фунт за вход. Только для членов клуба. Членом клуба можно было стать, уплатив один фунт. Клуб получал тысячу фунтов в неделю. Лучше золотой жилы.

Никто не входил бесплатно, даже принц Уэльский. На прошлой неделе в клубе побывал Рудольф Валентино⁹, неделей ранее – юный принц Георг. При нем, конечно, не было денег

⁶ «Зеленая мельница» (*фр.*). Перекликается с названием известного парижского кабаре «Мулен Руж» («Moulin Rouge» – «Красная мельница»).

⁷ 21-й специальный полк воздушной службы (резервный), исторически известный как «Полк художников», – полк резерва Британской армии, сокращенное название – 21 SAS(R). Начал создаваться в 1859 г. в рамках движения добровольцев, возникшего перед угрозой французского вторжения. В первоначальный состав полка вошли профессиональные художники, музыканты, актеры, архитекторы и другие деятели искусства.

⁸ Название исторического театра, работавшего в Лондоне в 1864–1939 гг., означает «Веселье».

⁹ Рудольф Валентино (Родольфо Альфонсо Раффаэло Пьерри Филиберт Гульельми ди Валентино д'Антоньола, 1895–1926) – голливудский актер итальянского происхождения, знаменитый герой-любовник немого кинематографа.

– у таких людей никогда нет с собой наличных, и его спутникам пришлось рыться по карманам, набирая мелочь на взнос. У Нелли был дар: люди чувствовали, будто она делает им одолжение, впуская в «Аметист». И это было лишь началом обирания посетителя. Клиент не мог даже уйти, не отдав шиллинг гардеробщице, если хотел получить обратно свое пальто в конце вечера. Плюс чаевые, разумеется. «Аметист» жил на чаевых. Танцовщицам-хостессам платили три фунта в неделю, но в удачную субботу – во время дерби или регаты – хостессы уносили домой до восьмидесяти фунтов. Здесь никто не просил прибавки жалованья. Ни у кого не хватило бы наглости.

«Аметист» не претендовал на *haute monde*¹⁰, как клуб «Эмбасси», но и не опускался в погоне за клиентурой до уровня блошиных притонов с Керзон-стрит.

Лондонские банды, которые время от времени стекались в клуб, считали его полем битвы. Шайка из Элефант-энд-Касл, головорезы Дерби Сабини, Монти Абрахамс со своими людьми, Хокстонская банда, «Хакнейские гунны», Фраццини. Лука Фраццини, главарь одноименного клана, аккуратный, шеголеватый, часто сидел за столиком в углу «Аметиста», не привлекая к себе внимания. Перед ним стоял едва тронутый бокал (бесплатного) шампанского. Луку можно было бы принять за биржевого маклера. Между ним и Нелли существовало подобие джентльменского соглашения. Они знали друг друга давно, еще со времен «Танцевального зала Ягера». Они доверяли друг другу. Почти.

Посетители «из простых» и бандитская шпана терлись плечами со знатью – и сверженной, и правящей, с несметно богатыми американцами, индийскими и африканскими принцами, офицерами гвардии, писателями, художниками, оперными певцами, дирижерами, звездами театров Вест-Энда, а также хористами и хористками. Больше нигде в Англии, а может, и в мире – даже в Эпсоме во время дерби – нельзя было встретить столько разных сословий в одном месте в одно время. В отличие от многих – да что там, большинства, – Нелли не имела предрассудков. Она не делала различий по цвету кожи, чинам и расам. Если у тебя был фунт на билет, тебе позволялось войти в ее королевство. С точки зрения Нелли, деньги были мерилom человека, будь то мужчина или женщина.

Миновав Нелли-цербера у входа, посетитель проходил сквозь бамбуковую занавеску и спускался по тускло освещенной узкой лестнице, убогой, как ступеньки в угольный подвал. Это добавляло «драматизма», говорила Нелли. Все жаждали драмы. У подножия лестницы посетителя встречал еще один страж ворот, на сей раз швейцар в ливрее с галуном, эполетами и прочим – такое одеяние сгодилося бы и для контр-адмирала из оперетты. Этот индивид, Линвуд, мастер поклонов и расшаркиваний (на чаевых он делал изумительные деньги), был опальным дворецким и когда-то служил у одного из членов королевской семьи. Нелли верила, что оступившемуся человеку нужно предоставить еще один шанс – как несколько раз предоставляли ей самой. Ее забавляли ошарашенные лица некоторых высокопоставленных посетителей клуба, узнавших Линвуда (другого имени у него не было, как заведено у дворецких), ибо он хранил множество *outré*¹¹ тайн. Конечно, слуги, как правило, знают в лицо своих хозяев, но мало кто из хозяев запоминает лица слуг. Затем Линвуд отдергивал тяжелую черную портьеру, скрывавшую вход, и посетителя наконец пускали внутрь. *Coup de théâtre*¹².

Та-да! Добро пожаловать в «Аметист»!

¹⁰ Высший свет (*фр.*).

¹¹ Экстравагантных, скандальных (*фр.*).

¹² Театральный эффект (*фр.*).

* * *

Подали яичницу с беконом, обещанные сосиски для Нелли и сладкий кофе с молоком. Сторож, громадный пес Нивена, носом приоткрыл дверь в столовую, возвещая появление самого Нивена.

Кажется, эта собака была единственным существом на земле, к которому Нивен питал уважение. Он по-прежнему называл пса «немецкой овчаркой», а не «эльзасской», не боясь имени врага, таящегося в названии породы, или игнорируя его. Как многие побывавшие в окопах, Нивен знал собак вроде Сторожа, служебных собак, но это была одна из немногих крупиц информации о его службе в Шотландской гвардии, которыми он соизволял делиться. Никогда, за всю войну и потом, даже во время перемирия и после заключения мира, Нивен не считал, что в этой войне есть победители.

У него больше не хватало терпения на людские слабости. На людей вообще. На религию, на угрызения совести, на чувства. Сердце Нивена будто закалилось в горниле войны до алмазной твердости.

Он был снайпером и снимал немцев прямо в окопах из винтовки «энфилд» образца 1914 года. Чтобы уравнивать шансы, немцы поступали так же. Однажды утром во время битвы при Пашендале капралу, наводившему для Нивена, снесло голову прямо рядом с ним. Днем то же самое случилось с другим наводчиком. Неудивительно, что в третий раз никто не спешил вызваться добровольцем. Снайперы и наводчики обычно менялись ролями, и в следующий раз, когда пришла очередь Нивена, он решил быть наводчиком, чтобы продемонстрировать хотя бы законы вероятности, если не удастся продемонстрировать ничего другого. Его не убили. Возможно, ему повезло, а возможно, он просто хорошо знал, когда стоит высунуть голову из-за бруствера, а когда лучше не рисковать.

Сейчас Нивен был ближе, чем думали домашние: он сидел в одной из кладовых клуба, слушая жалобы одной из танцовщиц, среди ящиков пива, шампанского и копченой сельди, которую еженедельно присылала на поезде из Уитби компания «Селедки Фортуны» на завтраки «Аметиста». Нивен положил конец жалобам, дав девушке достаточно денег на ликвидацию «проблемы». В Ковент-Гардене была женщина, о которой, похоже, знали все хостессы. Лекарство зачастую оказывалось хуже болезни, но «кто не рискует, тот не пьет шампанского», сказала девица в кладовке. Ее проблему создал не Нивен. Он тщательно следил за тем, чтобы не оставлять следов своего присутствия в этом мире.

А сейчас он вразвалочку вошел в комнату и, легонько чмокнув Нелли в щеку на континентальный манер, сказал:

– Ну что, мамуля, птичку выпустили из клетки?

Он стащил ломтик бекона с тарелки Бетти и бросил удивленному Сторожу.

Поцелуй испугал Нелли. Он напоминал скорей эпизод в Гефсиманском саду, чем выражение сыновней любви.

– Нам всем пора по кроватям, – резко сказала она.

Нивен отсалютовал матери, умудрившись проделать это одновременно безупречно и непочтительно, – талант, отточенный на войне.

– *Sofort, mein Kapitän!*¹³

Нелли нахмурилась. Она, хоть и не знала немецкого, язык врага узнавала на слух.

¹³ Сюю минуту, мой капитан! (нем.)

Боу-стрит

– У вас сегодня выходной, сэр, – переполошился дежурный сержант утренней смены, когда сердитый Фробишер промаршировал в двери участка на Боу-стрит.

– Я знаю, сержант, я еще не выжил из ума.

– И в мыслях не было, сэр.

Дежурный сержант только-только входил в ритм дня с помощью крепкого сладкого чая в эмалированной кружке и был не готов действовать. Он завел привычку чутко улавливать настроение нового старшего инспектора. Фробишер служил в участке на Боу-стрит чуть больше недели, и сержант еще только изучал его обыкновенное расположение духа. Сегодня утром он осторожно оценил степень оптимизма и спросил:

– Сделать вам чаю, сэр?

– Нет, спасибо, сержант, – бодро ответил Фробишер.

Фробишер не удосужился сообщить мисс Келлинг, что сегодня у него выходной. Как и своей жене, – впрочем, Лотти мало интересовалась его передвижениями. Он пришел сюда работать, чтобы расчистить авгиевы конюшни. Грязь никогда не спит, а значит, и Фробишер не будет спать, пока не выметет ее. Он был склонен к метафорам.

На Боу-стрит оказалось шумно. Фробишер слышал лязг и грохот железных дверей камер и громкие протесты арестованных за ночь. Вопли проклятых, поднимающиеся из Аида, подумал Фробишер, хотя здешние камеры располагались не внизу, а на уровне земли. Из женских камер этажом выше донесся тонкий вой – горе или безумие, трудно сказать. Грань между ними тонка. Фробишер подумал о своей жене.

Он встал ни свет ни заря, чтобы съездить в Холлоуэй, и у него уже подвело живот. Его бы подкрепить хорошим завтраком. Мысли Фробишера обратились к овсянке с сотовым медом и сливками с жирного цельного молока и, возможно, яйцу, свежему, прямо из-под пышноперой курицы. Маловероятно по всем статьям. Фробишер вырос в деревне. Сейчас ему было за сорок, но он так и остался уроженцем Шропшира. Когда он был мальчиком, семья держала кур. Куры свободно гуляли, где им вздумается, и его обязанностью было, вернувшись из школы вечером, искать яйца. Каждая находка становилась маленьким триумфом, удовольствие от которого не приедалось. С тех пор ни одно яйцо не было для инспектора таким же вкусным.

– Каков улов за ночь, сержант? – спросил он.

– Битком, сэр. Мировому судье на целый день разбираться.

– Как обычно?

– Угу. Как каждый день – проституция, воровство, наркотики, разбой. Полна кутузка пьяниц, заливающих горе. Убийство на Грик-стрит...

– О? – В последние несколько месяцев по Лондону прокатилась волна загадочных убийств. Необъяснимые случайные нападения на ни в чем не повинных прохожих. Конечно, нашлись суеверные глупцы, которые, с подачи желтой прессы, винили во всем проклятие Тутанхамона. Фробишер работал с отделом тяжких преступлений в Скотленд-Ярде и не понаслышке знал, насколько эти убийства ставят в тупик отсутствием какой-либо видимой логики. Он мог только предположить, что их совершает безумец.

– Ничего особенного, сэр, – сказал сержант. – Просто два пьяных джентльмена пытались пришибить друг друга. Ими занимается Полицейский-Хохотунчик.

– Сержант Оукс? Мне бы хотелось, чтобы его называли настоящим именем.

Боже, как Фробишер ненавидел эту дурацкую песенку Чарльза Пенроуза¹⁴.

¹⁴ Песня Чарльза Пенроуза «The Laughing Policeman», выпущенная в 1922 г. под псевдонимом Charles Jolly и ставшая большим хитом в 1926 г., когда Пенроуз переаписал ее под собственным именем, основывалась на песне чернокожего аме-

– Да, сэр. Но спору нет, Оукс – весельчак. Во всем видит смешное.

Оукс, полицейский со стажем, не хватал звезд с неба, но был, по мнению Фробишера, хотя бы надежен; впрочем, он уже начинал раздражать инспектора своей постоянной веселостью.

– Инспектор Мэддокс сегодня вышел на службу? – спросил Фробишер.

– Все еще хворает, сэр.

– До сих пор?

Мэддокс отсутствовал по болезни с того самого дня, как Фробишер приступил к работе на Боу-стрит. Фробишер был убежден, что язва в сердце участка, самое гнилое из всех яблок в бочке – Артур Мэддокс.

– Что с ним такое, будь он неладен? Симулирует?

– Вроде бы у него спина болит, сэр.

Больная спина не мешает человеку выполнять свою работу, сердито подумал Фробишер.

– Ну если он вдруг, паче чаяния, появится сегодня утром, передайте, что я его ищу.

Мэддокс, произведенный в инспекторы после войны, находился, как полагали, на содержании у тех самых людей, которых должен был преследовать. Он жил не по средствам – большой полуотдельный дом в Крауч-Энде, жена, пятеро детей. (Пятеро! Для Фробишера было немыслимо завести даже одного.) И автомобиль, «вулзли-оупен-турер», машина состоятельных людей, предмет зависти тех, кому едва хватает на «остин-семерку». Не говоря уже о летнем отдыхе всей семьей в Борнмуте или Бродстерсе, и не в дешевых пансионах, а в хороших отелях. Фробишер не сомневался, что Мэддокс стакнулся с Нелли Кокер, прикрывает ее от закона, но что он получает взамен? Мэддокс хитер как лис, а Нелли, королева птичьего двора, держит целый курятник. Может, она пускает Мэддокса к своим курочкам? (Да, инспектор несколько злоупотреблял развернутыми метафорами.)

При упоминании имени Мэддокса дежурный сержант втянул воздух и выпрямился, что привлекло внимание Фробишера. В последнее время он заинтересовался так называемым языком тела, или невербальной коммуникацией, когда человек выдает себя тончайшими знаками. Конечно, Фробишер готов был допустить, что дежурный сержант всего лишь решил размять затекшую спину. Можно понять, если у тебя кольнуло в спине, но не целую же неделю прогуливать службу, ради всего святого.

Фробишер принялся. Откуда-то повеяло райским ароматом жареного бекона. У инспектора в желудке жадно заурчало. Фробишер нахмурился. Они едят, когда его нет? Сэндвичи с беконом? Чем еще занимаются в участке у него за спиной? Его охватило странное разочарование, как в юности, когда другие мальчишки не принимали его в свои затеи. Он был неловким, замкнутым ребенком. Теперь он стал неловким, замкнутым мужчиной, но научился лучше маскироваться под жестким панцирем.

Он устремил хмурый взгляд на дежурного сержанта, и тот, чтобы бекон не подложил ему свинью, мгновенно сменил тему:

– Я слышал, Мамаша Кокер откинулась сегодня утром.

Дежурный сержант – как и весь участок – прекрасно знал об одержимости инспектора Кокерами, особенно Нелли.

– Да, – сказал Фробишер.

– Вы ездили, сэр?

– Ездил.

Фробишер не вдавался в подробности, а дежурный сержант не стал искушать судьбу лишним вопросом. Фробишер не вел светских бесед, вообще никогда. В результате его сильно недопонимали, считая высокомерным, даже заносчивым. Он пытался, помоги ему Бог, болтать

о погоде, скачках или даже фильмах, но выходило наигранно, как у бездарного актера. («Ну что, констебль, как там поживает ваш огород?») Его настоящие увлечения были эзотерическими, малоинтересными простому человеку или коллегам с Боу-стрит и уж точно его жене – Берлинский договор между Германией и Советами¹⁵ (это уж точно добром не кончится) или демонстрация прибора под названием «телевизор» Королевскому обществу¹⁶ неким мистером Бэрдом (словно в романе Герберта Уэллса). У инспектора был пытливый ум. Это – проклятие. Порой даже для детектива.

Дома, в Илинге, от тягот светской беседы инспектора спасал языковой барьер. Его жену звали Шарлотта – Лотти, – хотя у нее не было подтверждающего это свидетельства о рождении, и Фробишер сомневался на ее счет. Как детектив он хотел бы расследовать дальше, но как муж считал благоразумным не будить лихо. Она была француженка или бельгийка, она сама, казалось, не знала в точности – воистину пограничное расстройство. Ее спасли из опустошенных руин Ипра в конце войны без какого-либо имущества, кроме головки чеснока в кармане, без документов, и она не могла вспомнить, как ее на самом деле зовут – по причине того, что врачи называли «истерической амнезией».

В юности Фробишер по-разному представлял себе свою будущую жену, но истерическую амнезию не предвидел. История Лотти была трагичной и запутанной, – опять же, он не предвидел такого в своей будущей супруге.

Тут два констебля втащили в участок женщину, вопящую о своей невиновности, и тем избавили Фробишера от необходимости додумывать эту мысль.

– Долли Парджетер, обвиняется в карманной краже на Стрэнде, – сказал дежурному сержанту один из констеблей в форме, пытающихся удержать арестованную.

– Ты сегодня раненько, Долли, – добродушно приветствовал сержант арестованную. – Давай-ка заселим тебя в «Риц»?

Ноздри сержанта трепетали: его отрывали от бекона, но позаботиться о беконе значило бы выдать его существование Фробишеру.

– Ну, тогда я пошел, – неохотно сказал Фробишер. Он предпочитал полицейский участок своему террасному дому в Илинге; это многое говорило о террасном доме в Илинге.

Уже в спину ему дежурный сержант сказал:

– Сэр, я забыл – там девушку выловили из воды, из-под пирса у Тауэрского моста. Она, должно быть, все еще в Дыре Мертвеца. Подумал, вы захотите знать.

По мнению обитателей Боу-стрит, интерес Фробишера к мертвым девушкам достигал почти нездоровой степени.

– Спасибо, сержант. – Фробишер обрадовался избавлению от Илинга. – Я взгляну на нее.

– У вас сегодня выходной, сэр, – напомнил дежурный сержант.

– Преступность никогда не спит, – раздраженно сказал Фробишер. Он знал, что звучит как ханжа. – Кстати, сержант...

– Да, сэр?

– Кажется, у вас бекон подгорает.

Выходя из участка, Фробишер не мог сдержать улыбку. Так им и надо, что не позвали его.

Переходя дорогу, он был вынужден ловко отскочить, чтобы увернуться от приближающегося мотоцикла. «Энфилд», водитель безлик за очками и кожаным шлемом. Как легко погибнуть на улицах Лондона. Случайно или не очень.

¹⁵ Договор о ненападении и нейтралитете, подписанный 24 апреля 1926 г. в Берлине между Веймарской республикой и СССР, действовал до 23 августа 1939 г., когда был перезаключен как Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом.

¹⁶ Лондонское королевское общество по развитию знаний о природе, также Королевское общество – ведущее научное общество Великобритании, одно из старейших в мире, создано в 1660 г. и утверждено королевской хартией в 1662 г.

Неловкий возраст

Четырнадцатилетняя Фреда проснулась еще до того, как Кокеры погрузились в «бентли» у тюремных ворот. Фреду разбудили крики и фальшивое пение ночных рабочих рынка Ковент-Гарден, разгружающих машины с товарами, которые в полночь начинали прибывать отовсюду: яблоки из Ившема, грибы из Саффолка, экзотика со всего мира.

С тех пор как Фреда – Альфреда Мёргатройд – сбежала из дома, она снимала мансарду в убогом пансионе на Генриетта-стрит, настолько близко к рынку, что, казалось, сюда доносился запах растоптанных гниющих капустных листьев. Фреда приехала в Лондон за удачей, намереваясь стать звездой сцены Вест-Энда. Ее пока не открыли, но она не теряла мужества, и в эту субботу ей предстояло прослушивание. Она была уверена, что ее жизнь вот-вот изменится.

Хоть и миниатюрная, Фреда выглядела старше своих лет. Она была хорошенькая, но на удивление не кичилась своей внешностью, считая ее скорее делом случая. Или божьим даром, если верить, что Бог выдает красоту людям как что-то хорошее (Фреда не верила). Красота больше смахивала на каверзы греческих богов – скорее проклятие, чем дар. Одной из немногих книг, прочитанных Фредой, была иллюстрированная антология греческих мифов («Мифы Древней Греции для детей»), найденная ею в десять лет на скамье в вагоне. Не сказать, чтобы полезный учебник жизни.

Фреду выставляли напоказ, едва она выучилась сидеть без посторонней помощи, и ее мать собрала целую батарею фотографий, запечатлевших успехи дочери: от участия в конкурсах «Милый малыш» до исполнения роли Клары (на которую набирали из местных) в профессиональной постановке «Щелкунчика» приезжей театральной труппой на прошлое Рождество. Глэдис, мать Фреды, когда-то служила усердным хроникером ее красоты, но в последнее время утратила интерес и решила, что праздный образ жизни лучше обеспечить за счет нового мужа, на поиски которого и бросила все силы. Раньше Глэдис использовала как источник дохода внешность Фреды, но вложения перестали окупаться. «Ты уже подвядает», – сказала она Фреде. Та нахмурилась. Ей казалось, что впереди еще годы цветения.

Предметом гордости для Фреды был талант, а не внешность. Часы, проведенные в пируэтах, поворотах, чечетке, на пуантах и в *шассе*¹⁷. С трех лет она посещала танцевальную школу, из которой Королевский театр Йорка ежегодно выбирал лучших учеников для укрепления кордебалета в пантомимах, как и гастролирующие балетные и оперные труппы, приезжающие в Йорк (отсюда ее Клара: «Девочка из Рощ очаровывает в роли»). Рощами назывался их район города, но Фреде нравилось, как это звучит: будто она лесная нимфа, а не обительница убогого дома в трущобе на задворках кондитерской фабрики «Раунтри». Раньше они жили в гораздо лучшем доме на Уиггинтон-роуд, прямо напротив фабрики, где работал отец Фреды, пока не умер, но три года назад их вышвырнули судебные приставы.

За свою недолгую жизнь Фреда освоила обширный репертуар, играя кошек, собак, медвежат, снежинок, фей и разнообразных (но почему-то всегда одинаковых) «деревенских детей», которые танцевали, пели и резвились вокруг майского древа. Казалось, ни одна рождественская пантомима не обходится без сцены на деревенской площади. Фреда была милым ребенком и умела следовать указаниям, что делало ее любимицей взрослых.

Фреда верила: нет ничего лучше на свете, чем стоять на сцене. Там обретаешь некое величие, возвышающее над унылым миром. При одной мысли о сцене душа Фреды воспаряла.

С семи до тринадцати лет Фреда служила манекенщицей и моделью одежды ручной вязки для производителя пряжи. Причем она не только позировала для фотографий на выкройках – в промозглой студии-мансарде в Манчестере, – но и участвовала в выступлениях труппы,

¹⁷ Скользящий шаг, элемент классического и некоторых балльных танцев.

гастролировавшей по северу Англии под эгидой местных лавок для вязальщиц, где продавались выкройки, спицы и клубки шерсти, позволяющие связать демонстрируемую одежду.

Эти маленькие дефиле чаще всего проходили в унылых церковных залах, и публика состояла в основном из женщин, все еще измотанных и надломленных утратами войны. И всегда почему-то зимой. «Видимо, такова природа шерсти», – говорила Ванда.

Они тащили одну упряжку, как выражалась Ванда. Их было трое – Дункан, Ванда и Фреда – плюс Адель, которая «работала на компанию» и отвечала за их переезды и ночлег, сжимая в одной руке путеводитель Брэдшоу, а другой таща чемодан, набитый «Вязкой», как она это называла (определенно с большой буквы), из одного прокуренного вагона третьего класса в другой. Никто из труппы, даже Адель, не умел вязать ничего, кроме лицевых и изнаночных петель, хотя Дункан утверждал, что освоил вязку по-французски. Ванда смеялась и говорила:

– Не будь пошляком.

В войну он служил на флоте. Моряки, видимо, любят повязать.

Когда они демонстрировали товар, им постоянно задавали вопросы: «Что это за кромка?», «А это двойная коса?» Ванда умела превращать эти вопросы в комплименты:

– О, вы заметили, какая вы умница! А вы сами как думаете, какой это узор? Уверена, вы разбираетесь.

И все в таком духе.

«Переоблачения», как Адель называла смену одного вязаного предмета на другой, неизменно происходили в тускло освещенном закутке при зале, среди молитвенников, рассыпающихся рождественских яслей и прочей позабытой церковной утвари.

В зале они не выходили на сцену, даже если таковая имелась, а чаще всего ее не было. Вместо этого они шествовали чередой, один за другим, по проходу между рядами шатких стульев, занятых публикой. Дойдя до конца зала, они чинно совершали поворот кругом и возвращались обратно.

– Чем медленнее, тем лучше, – наставляла Адель. – В дождливый будний вечер люди не на вязание поглазеть приходят, а за впечатлениями.

Фреда демонстрировала разнообразные кардиганы и свитера со сложными узорами, костюмы-тройки с плиссированными юбками и шотландскими беретами. И множество помпонов.

– Очень аппетитный вид, – говорила Ванда.

Фреда быстро привыкла смотреть прямо перед собой и безмятежно улыбаться, пока зрители тянулись потрогать рукав, пощупать подол ластичной вязки¹⁸ или, порой, саму Фреду – ущипнуть за тыльную сторону ладони или похлопать по упругой икре, призывно возвышающейся над белыми носочками и черными лаковыми туфельками. Эти туфельки сразу после показа снимались, чтобы не поцарапать, и сменялись простыми коричневыми оксфордами.

Фреду часто награждали нестройными аплодисментами, никак не относящимися к «Вязке», – скорее всего, за то, что она лучилась обещанием: обещанием будущего, которое непременно окажется лучше прошлого. В глазах публики это ее освящало. Если бы они могли урвать себе частичку ее, наподобие святых мощей, – фалангу пальца, прядь волос, да хоть помпон, – они бы так и сделали.

Ванда была высокая и костлявая, с волосами цвета имбирного печенья. Гламурная, хоть и выдававшая виды, она всегда благоухала «Хабанитой» от Молинар, сшибая с ног при близком контакте. Она даже мазала этими духами свои сигареты «Сарони», которые курила не переставая и от которых ее голос с тисдейлским выговором становился «по-вороньи хриплым», как любил повторять Дункан. Ванда вечно предлагала сигарету Фреде («Давай, побалуй себя, детка») и всегда заранее возвещала о своем появлении надрывным влажным кашлем.

¹⁸ Другое название – резинка.

Дункан до войны «топтал театральные подмостки» и однажды делил сцену с инженером Эдит Эванс в «Хеймаркете» – «пеплумы и всякое барахло», пренебрежительно говорил он. Вся эта фраза была непостижима для Фреды, но она впитывала знание неким осмосом, и то, что озадачивало сегодня, часто прояснялось на следующий день. Ей казалось, что слово «пеплум» звучит таинственно и благородно.

Дункан демонстрировал пуловеры, кардиганы и жилеты, многие с замысловатыми узорами «фэр-айл», часто с аксессуаром в виде незажженной трубки для придания мужественности. Даже в юном возрасте Фреда понимала, что мужественность не входит в число качеств, к которым Дункан стремился. У него был забавный выговор – «пшютый ливерпульский», по словам Ванды, – который Фреде очень нравился, и она немало времени проводила, пытаясь ему подражать.

Ванда тоже была опытной артисткой, в свое время выступала в мюзик-холлах ассистенткой фокусника и ежевечерне левитировала.

– Это не по правде, миленькая, – сказала она Фреде, когда та восхитилась. – Это трюк. Но ведь трюк – это даже лучше, чем по правде!

Ванда дефилировала в «женских модных вещах» – термин, по ее присловью, скрывающий «грехов множество», – от болеро до платьев-свитеров и степенных кардиганов. Младенцам и малышам не повезло, хотя Ванда иногда выходила с большой куклой в полном дневном обмундировании. Кукла таинственным образом появлялась ниоткуда – в чемодан Адели она точно никак не влезла бы. Ее звали Дороти. «Самое близкое к материнству, что мне светит», – говорила Ванда (скорее радостно, чем печально), поправляя ленты на чепчике неодушевленной Дороти.

В отличие от матери, с каждым месяцем все более разболтанной, Фреда была на удивление чистоплотным и аккуратным ребенком («Крохоборка», – говорил Дункан). Каждый вечер перед сном Фреда накручивала волосы на тряпочки-папильотки и натирала веснушки содой – кто-то однажды сказал ей, что от этого они побледнеют. Перед тем как лечь в постель (часто – общую с Вандой), Фреда складывала всю одежду пирамидкой на стуле – от юбки внизу до трусиков наверху, венчая эту конструкцию носками, – чтобы утром разобрать пирамидку в обратном порядке.

– Ну какая ты молодец! – восхищалась Ванда.

Они делили комнату в многочисленных пансионатах. Ванда, как и мать Фреды, была неряхой: одежда брошена где попало, повсюду рассыпана пудра. Фреда не осуждала. Она перенимала науку быть женщиной. Приходится брать, где дают, как сказал бы Дункан.

Фреда и в упаковке чемоданов была мастерица, могла впихнуть в свой маленький вдвое больше, чем Ванда в свой большой. Иногда она и за Ванду собирала вещи. Все дело в том, как сложить. Как в геометрии, говорил Дункан. Познания Фреды в геометрии, да и в любой другой области математики, были плачевны. Порой она думала, что ей стоило бы чаще ходить в школу.

– Не переживай, миленькая, если ты хочешь быть танцовщицей, тебе достаточно считать до восьми, – говорила Ванда.

У Ванды была шуба, по ее словам – подарок поклонника, сшитый из шкурок тридцати шести горностаев. Шуба напоминала огромное снежное облако, и Фреда частенько засыпала на меховом плече Ванды в очередном вагоне поезда. Дункан утверждал, что шуба из кроликов, а не из горностаев. Фреда понятия не имела, что такое горностаи. Какое-то животное, это она знала, но ее знакомство с животным миром было весьма ограниченным. У нее никогда не было даже канарейки, она сроду не бывала ни на ферме, ни в зоопарке. Коровы и овцы играли роль украшений в северном пейзаже, проносящемся за окном поезда. Теперь Фреда стыдилась своего бывшего невежества, но когда-то ее страшно потрясло объяснение Ванды, что «Вязка» берет начало от овец.

По вечерам в пансионатах Дункан доставал из чемодана бутылку. Он всегда возил в чемодане бутылку. И всегда предлагал Фреде «хлебнуть». Она неизменно отказывалась. Попробовала однажды, и ее чуть не вывернуло наизнанку.

– Старый флотский ром, – говорил Дункан. – От него краска с линкора слезет. Там я к нему и пристрастился, в старом добром королевском флоте.

Ванда (предпочитавшая портвейн) при этом иногда странно похабно ухмылялась и говорила:

– А расскажи-ка нам про войну, Дункан.

И тот смеялся в ответ:

– Так и расскажу, выкуси!

Но потом принимался повествовать, как пошел ко дну вместе с кораблем его величества «Неустрашимый» в пятнадцатом году в проливе Ла-Манш, а потом «выскочил обратно как пробка». Что в этом похабного, удивлялась Фреда. Она решила, что история с пробкой – это какая-то шутка или фокус. Дункан редко упоминал о примерно пятистах морях, которые не выскочили обратно вместе с ним. Война была частью истории, а история Фреду не интересовала, ведь она в ней не участвовала. Она жила в ритме настоящего и жаждала будущего.

Ванда «утратила спутника жизни» в начале войны. Фреда решила, что он погиб на фронте, но Дункан сказал, что он сбежал в Барнсли с барменшей.

– Аллитерационный адюльтер, – прокомментировал он.

– Ученое слово, – отозвалась Ванда.

– Это ты про какое? – спросил Дункан.

В такие душевные вечера в пансионатах, иногда перед шипящим газовым камином в «общей гостиной», а чаще в комнатухе Ванды и Фреды Дункан учил Фреду играть в карты, разложив колоду на покрывале. Еще он учил ее плутовать, что было даже лучше, – «холодная раскладка», «третья карта» и многие другие «фокусы», как он их называл. У нее явно был талант.

– Ловкие пальчики, – одобрительно говорил Дункан.

Он называл Фреду «прозорливой». Она думала, это что-то, связанное с озорством. Они играли на спички. К моменту, когда их пути разошлись в последний раз, Дункан был по уши в долгу у Фреды. Он сказал, что ему придется ограбить один из складов Крюгера, чтобы с ней расплатиться. И объяснил, что Крюгер – Спичечный Король. Фреда задумалась: если она выйдет за Спичечного Короля, станет ли Спичечной Королевой?

Ванда тоже мастерски владела картами, научилась всяким трюкам за время работы ассистенткой фокусника. Она охотно объясняла Фреде, как распилить кого-нибудь пополам (обычно женщину) и как устроить исчезновение (тоже обычно женщины). Очень полезные знания, по мнению Фреды.

– Отвод глаз, – говорила Ванда. – Вот в чем секрет.

Ванда охотно выдавала тайны общества волшебников («Наверное, за это полагается смертная казнь», – весело говорила она), но и под страхом смерти не выдала бы свой возраст. («Дама имеет на это право».)

– Двадцать пять, – строила догадки Фреда, но лишь за глаза.

– Умножь на два и отними десять, – говорил Дункан.

А где же была мать Фреды все это время? Чаще всего брела, пошатываясь, в «Ко-оп» с кувшином и возвращалась с ним же, полным хереса, «выдержанного в дереве». Звучит изысканно, а на деле просто бочка с краником в подсобке магазина.

Отец Фреды, он был намного старше, умер («дуба дал») на работе. Благодаря плохому зрению он не попал на фронт, но подвело сердце, и в пять лет Фреда осиротела.

– Старый зануда, – говорила Глэдис, – вечно с трубкой и в шлепанцах, не знаю, о чем я думала.

Хотя на самом деле прекрасно знала о чем: о том, как бы не таскаться каждый день на работу в контору фабрики «Раунтри», где и познакомилась с отцом Фреды, вдовцом «из руководства». «Из руководства» звучало весьма внушительно для Фреды. Воспоминания об отце были связаны с запахом шоколада, твида и табака. Он каждую неделю приносил домой пакет бракованных шоколадок – это снабжение трагически пресеклось, когда он умер.

Теперь, когда отца не стало, мать редко удостаивала его именем. В ее разговорах с дочерью он был просто «твой отец», а зачастую и «этот козел». Поэтому в сознании Фреды отец приобретал мифологические черты, будто спустился с Олимпа специально, чтобы обрюхатить Глэдис и умчаться обратно в божественные чертоги. В книжке греческих мифов девушки, казалось, пребывали в почти постоянной опасности: их то и дело застигал врасплох не в меру ретивый Зевс в образе лебедя, быка или даже муравья. Так почему бы и не козла?

В реальном мире отцу Фреды просто глупо льстило внимание молодой женщины. Поначалу рядом с Глэдис он сам себе казался моложе, но вскоре рядом с ней начал чувствовать себя стариком. История столь же древняя, как и сами греческие боги.

– И зачем Зевсу понадобилось маскироваться? – размышляла Ванда, листая книжку Фреды в вагоне поезда где-то между Роттерхэмом и Шеффилдом. – Ведь лучше, чтобы тебя уестествил главный бог, чем муравей, разве нет? И как это вообще возможно с муравьем? Разница в размерах просто смехотворна.

– «Уестествил»? – фыркнул Дункан. – Ты что, малютка Бо-Пип¹⁹, что ли? Зови греблю греблей, душа моя.

К счастью, весь этот разговор происходил в отсутствие Фреды: она в это время торчала в коридоре, свесившись из окна; в глаза ей летела гарь из топки, и она рисковала остаться без головы. Опасность не отпугивала Фреду, а скорее манила.

Перед лицом полного дезертирства родителей, как добровольного, так и вынужденного, Ванда и Дункан стали для Фреды кем-то вроде опекунов. Адель – нет. Адель занималась исключительно расписаниями.

– Забавная у нас семейка, правда? – сказала Ванда.

– Приходится брать что дают, – ответил Дункан.

* * *

Но однажды Адель отвела Фреду в сторонку и сказала, что та стала «слишком женственной» для детской «Вязки» и ее услуги больше не требуются.

¹⁹ Героиня английской детской песенки «Little Bo-Peep Has Lost Her Sheep» («Малютка Бо-Пип потеряла своих овечек»), известной с начала XIX в.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.